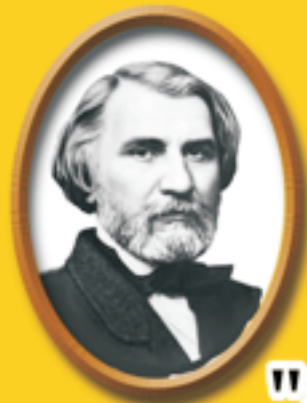

**Пишем сочинения по
рассказам**

И.С. Тургенева

"Записки охотника"

Пишем сочинения
по рассказам И.С. Тургенева
«Записки охотника»

Содержание

Вступление	4
Образы помещиков	7
Дворовые люди	15
Дворовые люди, отпущенные на волю	17
Дворня	19
Крестьяне	21
Картины природы	33
Хорь и Калиныч	37
Петр Петрович Каратаев	41
Касьян с Красивой Мечи	41
Малиновая вода	46
Льгов	47
Бежин луг	48
Бирюк	55
Бурмистр	58
Живые мощи	61
Певцы	67
Ермолай и мельничиха	71
Гамлет Щигровского уезда	73
Одноворец Овсяников	75
Смерть	78
Значение «Записок охотника»	80

Вступление

„Записки охотника» представляют собою яркий протест против крепостного права, но в них мы не найдем сатирического изображения тогдашней жизни. По своему таланту Тургенев не способен был резко критиковать ненормальные условия жизни. „Записки охотника», подобно „Мертвым душам» Гоголя, разворачивают перед нами только широкую картину тогдашней жизни – преимущественно помещиков и крестьян. Читатель уже сам догадывается о том, какой вред приносило крестьянам крепостное право. Автор изображает крестьян более симпатичными, чем их господ–помещиков. Читатель глубоко жалеет крестьян, видя их бесправное положение, и негодует на жестокость и самодурство помещиков.

Рядом с изображением несчастной жизни крестьян Тургенев в своих „Записках» дал прекрасное описание русской природы. По своему плану „Записки охотника» представляют ряд рассказов, не имеющих между собою тесной связи; объединяются они только единством предмета и настроения: автор во всех рассказах изображает народную жизнь с любовью и вызывает сочувствие к тяжелому положению крестьян.

Всех рассказов 25. Более замечательные из них следующие: «Хорь и Калиныч», «Касьян с Красивой Мечи», «Малиновая вода», «Льгов», «Бежин луг», «Бирюк», «Бурмистр», «Живые мощи». Некоторые рассказы мало имеют отношения к жизни крестьян, например: «Уездный лекарь», «Мой сосед Радиллов», «Гамлет Щигровского уезда».

И. Глебов

«Записки охотника» – это серия рассказов, соединенных общим названием. Впервые они были напечатаны в «Современнике» в период между 1847 и 1851 годами, а в 1852 году вышли отдельными изданиями; часть их была написана в России, а часть за границей, куда Тургенев уехал в 1847 году. Сюда влекло его чувство любви к певице, госпоже Виардо–Гарсиа, с которой он познакомился в Петербурге в 1845 году.

Сюжеты рассказов взяты большей частью из народной жизни; в них изображается быт простонародья, указывается, что значила в его жизни крепостная зависимость. Как мы можем судить по словам самого Тургенева, в этих рассказах он хотел выразить протест против крепостного права.

В «Записках охотника» можно отметить две группы рассказов. В рассказах первой группы автор рисует нам ряд личностей из среды народа, по большей части людей цельных, богато одаренных природой,

порой талантливых; рассказы другой группы представляют собой рассказы из народного быта, в которых с особенной силой выступает отрицательное значение для крестьянина крепостного права.

Н. Дюнькин, А. Новиков

«Записки Охотника» распадаются на три рода рассказов. Один из них всецело принадлежит характеристике русских народных масс, и в них с наибольшей силой отражена русская душа, та естественная, прирожденная русская душа, которую не задело влияние европейских идей.

Рассказы Тургенева показывают нам, что для русской души характерно отрицательное отношение к «земным благам», вообще к плотской жизни, и связанное с ним какое-то спокойное, почти фаталистическое отношение к смерти.

Второй род рассказов изображает высшие слои русского народа. Одни из них характеризуют русскую помещичью жизнь, не особенно близко, впрочем, касаясь отношений помещиков к подвластным им крестьянам. Главная основная их черта – характеристика людей, получивших возможность жить без деятельности, почему в среде их развиваются искусственные интересы, занятия без строго определенных целей и, наконец, в результате, падение нравственных представлений об их общественных обязанностях и правах.

Третий род рассказов посвящен изображению типов, появляющихся тогда в русской жизни под влиянием недостаточного, притом чуждого, просвещения. Таков рассказ «Гамлет Щигровского уезда». Но эти последние, как отчасти и вторые, по своему характеру уже примыкают к позднейшим произведениям Тургенева.

А. Введенский

Без сомнения, не малый материал для бичевания с разных сторон крепостного права доставило Тургеневу жестокое отношение его родителей к своим крепостным. В конце эти крепостные вздохнули свободнее: мать Тургенева умерла, и Иван Сергеевич, вернувшись из-за границы в доставшееся ему вместе со старшим братом Николаем родовое имение, немедленно отпустил всех своих дворовых на волю и перевел на оброк пожелавших этого крестьян. Но все-таки его крестьяне тогда не были освобождены из крепостного состояния, как то можно было ожидать от человека, давшего «аннибаловскую клятву» против крепостного права; быть может, Тургенев предполагал, что без его защиты они сделаются добычей алчности местной администрации: недаром эту мысль он влагает в уста одного из героев рассказа «Хорь и Калиныч», но возмож-

но и то, что, желая вскоре вновь уехать за границу, он пугался тех ужасных проволочек, с которыми совершалось освобождение крестьян целыми вотчинами, т.е. переход их в свободные хлебопашцы.

В. Семевский

С детства Тургенев носил в душе своей целый мир явлений, сцен и лиц окружавшего его мира крепостных отношений. Полученное им на Западе просвещение осветило ему понимание народной действительности путем познания того лучшего порядка жизни, который был выработан вековыми усилиями западно-европейских родов. Когда он понял основной грех родной действительности, заключающийся в крепостном праве, то он, по собственному признанию, не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что возненавидел. «Мне необходимо, – говорил он, – уединиться от моего врага, чтобы сильнее напасть на него. Враг этот – крепостное право. Я поклялся никогда с ним не мириться. Это была Аннибалова клятва». И вот Тургенев выступает против этого врага не с проповедью моралиста, не с рассуждениями публициста, а с поэтическим словом: он не проповедник, не публицист, а поэт-художник: он поэтическим воспроизводит жизнь. Его единственное оружие – это дивный дар поэтического образа. Проникнутый просвещенной идеей, полный гуманного сочувствия к народу, писатель направит весь свой талант на изображение жизни этого народа, но на такое изображение, чтобы с одной стороны в ярких образах и сценах представить грехи и неправду отношения к крестьянам и тем устыдить класс рабовладельцев и вырвать горячее сочувствие к страдающим. Во-вторых, изображение народной жизни должно открыть господствующему классу глаза, чтобы он видел в простолюдине тоже человека, одаренного высокими душевными, нравственными силами и художественными задатками. Значит, книга должна будет во-первых, будить сочувствие к бедствиям народа, а во-вторых, содействовать более правильным взглядам на народ, ближайшим результатом чего должно явиться глубокое уважение к нему, к его духовным силам, а стало быть, и вера в его великое будущее. Вот эти две задачи и доставляют идею всей предпринятой Тургеневым художественной работы в его книге «Записки охотника».

Л. Вейнберг

В первом номере «Современника» за 1847 год был напечатан рассказ Тургенева «Хорь и Калиныч», с пометкой после заглавия – «Из записок охотника». Исключительный успех этого рассказа побудил Тургенева продолжать серию «охотничьих» рассказов. В 1848–1852 гг. в

«Современнике» было напечатано еще двадцать рассказов, а в 1852 г. «Записки охотника» вышли отдельной книгой. Окончательный состав книги определился в издании 1880 года в количества 25 рассказов.

«Записки охотника» стали крупнейшим событием не только литературной, но и общественной жизни своего времени. Тургенев дал в них широкую картину народно–крестьянского и помещичьего быта крепостной деревни и усадьбы, с длинной вереницей реалистически и мастерски зарисованных образов крестьян и помещиков, на фоне среднерусского пейзажа, входившего существенно важным элементом в композицию почти всех рассказов.

Рассказы не были связаны единством сюжета. Но все случайные встречи и эпизоды, имевшие место во время скитаний охотника, объединялись идеей: показать лицо барина–крепостника и рядом – лицо крепостного крестьянина. На протяжении всей книги явно выступало глубокое сочувствие автора к забитому и бесправному народу, убедительное и смелое разоблачение «дикого» барства, всевластного хозяина и крепостных «душ».

«Стройным рядом нападений, целым батальным огнем против помещичьего быта» назвал «Записки охотника» И.С. Аксаков. В секретной бумаге министра народного просвещения сообщалось о книге: «Значительная часть помещенных в ней статей имеет решительное направление к уничтожению помещиков, которые представляются вообще или в смешном и карикатурном или, еще чаще, в предосудительном для их чести виде... Распространение столь невыгодных мнений насчет помещиков, без сомнения, послужить может к уменьшению уважения к дворянскому сословию со стороны читателей других состояний».

«Уважение к дворянскому сословию» еще более умалялось тем, что крестьяне, противопоставленные представителям помещичьего класса, были даны в проявлении их высоких умственных и нравственных качеств, духовной одаренности, глубокой человечности. Таким образом, отчетливо выступало намерение автора показать моральное превосходство закрепощенного крестьянства над «культурным» и «благородным» рабовладельческим сословием.

А. Зерчанинов, Д. Райхин, В. Стражев

Образы помещиков

Главная сила удара по крепостному строю сосредоточена Тургеневым в изображении им хозяев усадьбы и деревни – помещиков–крепостников. Рисуя их образы, Тургенев иногда бросает, как бы

мимоходом, лишь быстрый, но много говорящий штрих, вкрапывая его в ткань повествования; иногда же он дает цельное раскрытие образа, насколько это позволяют рамки небольшого рассказа.

Вот «мелкий помещик» Полутыкин, сватающийся за всех богатых невест в губернии и неизменно получающий отказ, страстный охотник, поклонник «французской кухни», «тайна которой, по понятиям его повара, состояла в полном изменении естественного вкуса каждого кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба – грибами, макароны – порохом...» Каждый день Полутыкин «оттягивает» своего «добротного мужика» Калиныча на охоту, не давая ему возможности вести хозяйство и оплачивая его подневольное сотрудничество гривенником на лапти... «в прошлом году».

Вот Зверков, занимавший важное место в Петербурге, слывший человеком «дельным», горделиво убежденный, что он «знает свое собственное отечество» и народ, и с таким тупым и слепым лицемерием загубивший жизнь несчастной Арины в угоду дикой прихоти своего «ангела» – жены.

Вот молодой помещик Аркадий Павлыч Пеночкин, едва ли не самый отвратительный из всех «благородных» господ в «Записках охотника». Тургенев дает его подробную характеристику. Он – гвардейский офицер в отставке. Он получил «отличное» воспитание, «отлично, и со вкусом» одевается, «удивительно хорошо себя держит», «собой весьма недурен», «мастерски» играет в карты, любит музыку, выписывает французские книги и газеты. Пеночкин «потерялся в высшем обществе» и «дурным обществом решительно брезгует». Свой деревенский дом он содержит «в порядке необыкновенном», с комфортом, задает «отличные обеды», ласково принимает гостей. Дом его «построен по плану французского архитектора», «люди одеты по-английски», свою речь он постоянно пересыпает французскими фразами. Пеночкин «считается одним из образованнейших дворян и завиднейшим женихом... губернии»; «дамы от него без ума и в особенности хвалят его манеры». Но когда, однажды, камердинер Федор подал к завтраку не нагретое красное вино, «образованнейший дворянин» Пеночкин «вполголоса и с совершенным самообладанием» проговорил «сквозь свои прекрасные раздушенные усы, вошедшему на его звонок, слуге: «Насчет Федора... распорядиться...» Несчастного Федора ожидала порка. И тогда ясно читателю, почему дворовые люди Пеночкина «посматривают... исподлобья», почему, когда крестьяне Шипиловки увидели приехавшего барина, то «тревожное волнение видимо распространилось по селу», а мальчишки с воплем убежали в

избы и оттуда уже не показывались. И понятно читателю, что так по сердцу пришелся Пеночкину его «государственный человек» – бурмистр Софрон, у которого все барское хозяйство было «в отличном порядке» и только «унылы» были лица мужиков.

И вот еще помещик, Мардарий Аполлоныч Стегунов, хлебосол и балагур, низенький, пухленький, лысый старичок с «порядочным брюшком», «двойным подбородком» и «мягкими ручками», владелец пятисот «душ», живущий, «как говорится, в свое удовольствие» и «довольно поверхностно» ведущий свое хозяйство. «Я человек простой, – говорил Стегунов о себе, – по-старому поступаю. По-моему: коли барин – так барин, а коли мужик – так мужик...» На деле это значило: «плохих» и «опальных» мужиков можно «не жаловать» и расправляться с ними по барской воле. Что их жалеть? Ведь они – по беспредельно циничному замечанию живущего «в свое удовольствие» Стегунова – «не переводятся... Плодущи проклятые». И когда от конюшни, где, по приказу Стегунова, «шалунишку наказывают... Васю бужетчика», доносятся звуки «мерных и частых ударов», то Мардарий Аполлоныч с добрейшей улыбкой вторит этим звукам: «Чюки-чюки-чюк! Чюки-чюк! Чюки-чюк!»

Но крепостная практика таких господ, как Пеночкины и Стегуновы, иллюстрируется и теми немногими, однако красноречивыми фактами, которые, на первый взгляд, остаются как будто незаметными. Так, например, рассказывая о дедушке «охотника», Овсяников вспоминает, как «властный» дедушка самовольно отнял клин чужой земли, а когда ограбленный подал на него в суд, то приказал своему ловчему доставить жалобщика в свою вотчину и высечь под окнами своего дома. «И благодарить еще велели, что живого отпустили», – добавлял рассказчик Овсяников. Когда помещик Беспандин, запахав четыре десятины у крестьян своего соседа, узнал, что племянник Овсяникова Митя написал, по просьбе крестьян, жалобу на него, то немедленно пригрозил: «Я... этому Митьке задние лопатки из вертлюгов повыдергаю, а то и совсем голову с плеч снесу!» («Одноворец Овсяников»). Благодушно повествует Пеночкин о «презабавном», по его словам, случае, «когда один шутник-помещик вразумил своего лесника, выдрав у него около половины бороды, в доказательство того, что от подрубки лес гуще не вырастет...»

Заядлые крепостники-самодуры и капризные барыни, от которых под управлением плутов и грабителей-бурмистров стонут забытые и обнищавшие крестьяне, перемежаются образами помещиков иного типа. Это неудачники, люди с вывихнутой жизнью, выпавшие из проторенной колеи по милости случая, ложности и нелепости своего воспи-

тания или просто по бесхозяйственности и разорению. Тема помещичьего разорения вообще проходит красной нитью в большинстве рассказов «Записок охотника», давая Тургеневу материал для образов оскудевших, «бывших» помещиков, обратившихся иногда в приживалов при тех, кто еще уцелел и держится на поверхности жизни.

Так неудачно сложилась судьба человека «доброй и теплой души», помещика Радилова, бросившего свой дом и уехавшего куда-то со своей золовкой. Бестолковой, конечно, станет вся жизнь племянника Татьяны Борисовны «художника» Андрея Ивановича Беловзорова, попавшего не на свою дорогу и жиреющего на даровых хлебах у своей тетушки. Свихнулся Петр Петрович Каратаев. Деревню его продали с аукциона – и вот он застрял в столичной богеме, мечтая об одном: «умереть в Москве!» Прихотливой ненужностью, доживая свой век в деревне, стал Василий Васильевич – «Гамлет Щигровского уезда». Московский студенческий кружок, философия Гегеля, бесплодная жизнь за границей, неудачная женитьба, неоправданные запросы к жизни, самоанализ и скептицизм превратили Василия Васильевича в печально-уродливое явление русской дворянско-интеллигентской среды, в одну из примечательных разновидностей «лишнего человека» – озлобленного самомученика, «оригинала». Сюда же надо отнести и характерную фигуру Чертопханова. Оскудевший наследник старинного и богатого дворянского рода, человек «сумасбродной отваги и гордости непомерной», взбалмошный и горячий, поклонник Марлинского, стоявший горой за своих мужиков, не терпевший никакой несправедливости и притеснения, Чертопханов – яркий и красочный образ эпохи дворянского умирания. Ушла цыганка Маша, которую он страстно любил; умер преданный и единственный закадычный друг Недопюскин; украли последнюю утеху в жизни – коня Малек-Аделя; «последние денежки перевелись, последние людишки поразбежались». Он в нищете и одиночестве доживает последние дни. «Столбовой дворянин Пантелей Чертопханов умирает», – говорит он, лежа на убогой кровати, с нагайкой в руке, заметив подошедшего посетителя – станового пристава: «кто может ему препятствовать? – Он никому не должен, ничего не требует... Оставьте его, люди!..»

К типу «заброшенных», «бывших», жалких приживалов принадлежит Федор Михеич. «Тоже был помещик, – говорит о нем Радилов, – и богатый, да разорился... А в свое время считался первым по губернии хватом; двух жен от мужей увез, песельников держал, сам певал и плясал мастерски...» Но все уже давно пропето и проплясано, и старенький

Федор Михеич, бывший «первый хват», увеселяет гостей Радилова в роли домашнего шута. Пожизненным приживалом был и Недопюскин, ремеслом забавника «послуживший на своем веку тяжелой прихоти, заспанной и злобной скуке праздного барства» и заслуживший от «почтеннейшего благодетеля» Чертопханова надгробный памятник: мраморную богиню Флору (из подмосковного сада екатерининских времен), присланную комиссионером вместо «молящегося ангела».

Таковы образы крестьян и дворян, проходящие перед читателем «Записок охотника», – книги, бичевавшей крепостной строй дореформенной России, книги «зажигательной» в ее социально-историческом значении, до сих пор живой в ее художественной ценности.

А. Зерчанинов, Д. Райхин, В. Стражев

При чтении «Записок охотника» прежде всего бросается в глаза наиболее характерная для всех без исключения помещиков черта: крестьянин – это «черная кость»; он не способен так мыслить и так чувствовать, как «белая кость» – дворянство. Поэтому вполне позволительно совершенно не считаться с личностью крестьян, безжалостно разбивать их личное счастье, их право любить и быть любимым, отрывать от родной семьи и пр. Зверков и его жена («Ермолай и мельничиха») не могли снести со стороны Акулины такой «дерзости», как желание выйти замуж за любимого человека и жестоко разбили ее счастье. Почти такая же участь постигла и Матрену («Петр Петрович Пеночкин»). Отец Чертопханова, человек, в сущности, далеко не жестокий, придумал для своих крестьян такое нововведение: он велел всех их пронумеровать и каждому нашить на воротнике его номер. И при встрече с бариним каждый должен был кричать: такой то номер идет. Это приводило помещика в восторг. Сучок («Льгов») за разные «проступки» или просто из прихоти того или другого из его бар переводился из одной должности в другую: он служил доезжачим, садовником, поваром, кучером, буфетчиком и даже актером. Даже имя ему переменяли: из Кузьмы в Антона!

При таком взгляде на крестьян, когда личность их совершенно не уважали, по отношению к ним все считалось дозволенным, не исключая, конечно, и жестокости. Последняя была самым обыденным явлением; нередко помещики находили в ней даже какое то наслаждение. Стегунов велел высечь буфетчика за ничтожный проступок и, когда во время его разговора с автором «Записок охотника» стали доноситься мерные удары розги, Стегунов, с улыбкой на лице и с видимым удовольствием вторял в такт ударам: «Чюки, чюки, чюк! Чюки, чюк!» Пеночкин

рассказывает один, по его мнению, «призабавный анекдот», когда помещик «шутник» вырвал «для вразумления» половину бороды у лесничего. Комов – о нем повествует Овсяников – терзал всех своих дворовых девушек. Он был столь жесток, что даже добрый и мягкий Овсяников прибавляет: «Спасибо ему, умер: с голубятни свалился в пьяном виде!» Племянника старика Тумана («Малиновая вода») забрали в солдаты только потому, что он «любовнице барина на новое платье шоколад обронил!» Тот же отец Чертопханова велел высечь всех баб в его деревне, когда ему никак не удалось достроить без помощи архитектора купол церкви...

Для дворян крестьянин был, прежде всего, орудием, при содействии которой можно было получить возможно больше доходов. Такого взгляда придерживались решительно все помещики. Добродушный Полутыкин, хозяин Хоря и Калиныча, увеличил Хорю оброк и собирался еще повысить, а Калиныча он и совсем разорил, так как все время отвлекал его от собственного хозяйства, заставляя ходить с ним на охоту. Влас ходил пешком к своему барину в Москву, чтобы сбавил ему оброк или хотя бы посадил на барщину, так как со смертью сына, служившего в извозчиках, он лишился всякой опоры. Но барин, который брал с несчастного Власа по 25 рублей «с тягла», прогнал его. Таков и Стегунов, который выселил крестьян на дорогу, за оврагом, но требовал с них денег и повинностей по-прежнему. Таков и Пеночкин. Два крестьянина, отец и сын, поджидали его, стоя на коленях в болоте, и стали жаловаться на бурмистра Софрона, который окончательно разорил их, отдав третьего сына в солдаты. Услыхав, что крестьяне что-то упоминают о недоимках, Пеночкин набросился на них с криком: «А отчего недоимки завелись? Пьянствовать любишь!» Тот же Пеночкин не мог нахвалиться Софроном, этим типичным «кулаком», потому что благодаря его сильной руке за крестьянами не числилось никаких недоимок. Дед автора, так рассказывал ему Овсяников, выехав однажды в поле, обвел рукой большую полосу крестьянской земли и... забрал ее себе...

Стараясь получить от крестьян возможно больше доходов, помещики, в то же время, требовали с них безусловной покорности и в жалобах их готовы были сейчас же усмотреть «неповиновение властям» и «бунт». «Бунтовать! Я вам покажу!» – кричал Пеночкин на крестьян, когда они говорили ему, что не в силах снести управления Софрона...

Но обращаясь так бесчеловечно с крестьянами, разоряя их, помещики, в то же время разоряли и самих себя, ибо подрубали тот сук, на котором сидели. Даже Пеночкин, который, казалось, умел за всем ус-

ледить, и тот совершенно не подозревал, что его имение, отданное в управление Софрону, фактически принадлежало последнему: Софрон закабалил в свою пользу всех крестьян и очень прибыльно наживался. У Полутыкина имение было разорено, то же самое у Татьяны Борисовны, у Стегунова, у Каратаева и Чертопханова; последние были немногим богаче своих крестьян. Крестьяне у всех этих помещиков также были разорены: избы старые, подгнившие, без крыш, земля плохо родила, скота вовсе не было, или же исхудалый до того, что был ни к чему не годен. И это вполне понятно. Большинство дворян жили сами не в деревне, а в столице или вообще в городах. Наблюдать за своими поместьями они поручали управляющим, разным бурмистрам, приказчикам, которые довольно исправно посылали своим барам оброки, но зато разоряли крепостным, безжалостно наживались. Метко определил этих дворян тот же Овсяников: молодые помещики приезжают, заводят новые порядки, хотят облегчить участь крестьян, но дело кончается тем, что сами уезжают и все передается в руки приказчиков и управляющих... А спустя несколько лет эти «либеральные» помещики забывали о своих добрых чувствах к крестьянам и становились старыми помещиками: Пеночкиными, Зверковыми, Стегуновыми и пр.

Центр тяжести наболевшего вопроса всей русской жизни в дореформенное время не в отдельных личностях, быть может, даже симпатичных и гуманных, а во всей системе рабовладельчества, в господстве одного человека над другим, во власти помещика над жизнью и смертью крестьянина. Широкие слои русского общества далеки были от такого вывода, либо не решались его сделать: таким неоспоримым казалось им крепостное право, так века рабства сумели парализовать всякую веру в лучшее будущее! Только немногие возвысились до широкого понимания предстоящих задач, и те мечтали лишь о «заплатах» на подкосившемся, полуразрушенном здании крепостного строя. Но от такой «половинчатости» слишком далек был автор «Записок охотника». Его небольшие рассказы об обыденных явлениях в обыденной жизни русского дворянства должны были послужить лучшим доказательством, что гордеев узел невозможно распутать, что его нужно только разрубить сильным ударом сильной руки.

В. Павлов

Касаясь отношения помещиков к крестьянам, Тургенев остается правдивым и объективным художником. Он не выбирает для своего изображения каких-либо исключительных случаев притеснения и жесто-

костей, не сгущает преднамеренно красок для того, чтобы поразить читателей ужасом и омерзением: он рисует крепостное право с будничной, обычной стороны, изображает явления заурядные, массовые, но это еще более усиливает впечатление, потому что благодаря этому автор освобождается от упреков в тенденциозности, в преднамеренном подборе фактов и в ложном их освещении. Но сами описанные факты весьма красноречивы, и потому Тургенев, оставаясь правдивым бытописателем эпохи крепостного права, в то же время является и ее обвинителем. Характеризуя отношение помещиков к крепостным «подданным» преимущественно с отрицательной стороны, Тургенев, как объективный художник, избегает односторонности освещения, рисуя наряду с отрицательными, также и симпатичные типы помещиков; таковы: мягкосердечный и слабый Каратаев, взбалмошный, но благородный Чертопханов, добрая и простая Татьяна Борисовна. Одни из помещиков относятся к судьбе своих подвластных с полным равнодушием (например, Полутыкин), не заботясь о них, предоставляя им устроиваться, как сами знают; другие поручают управление имениями и крепостными людьми своим приказчикам, которые часто пользуются их доверием в целях личного обогащения: в таком положении находится, например, бурмистр Софрон, про которого окрестные мужики говорят: «Да ведь Шипиловка только что числится за тем, как бишь его, за Пенкиным-то; ведь не он ею владеет, Софрон владеет. Крестьяне ему кругом должны; работают на него, словно батраки... затормошил совсем». Но чаще всего Тургенев обращает внимание на те явления крепостного быта, в которых выражалось принадлежавшее помещикам право вмешательства в личную жизнь крестьян, безотчетное распоряжение их участью. Эта личная зависимость была для крепостных еще тяжелее, чем материальная, и хотя правительство издавна старалось указами ограничить власть помещиков, однако у них оставалось широкое поле для произвола и злоупотреблений вместе с привычкой смотреть на крестьян, как на безответных животных, у которых нет и не может быть своей воли. Конечно, не все помещики пользовались своим правом для притеснения крестьян, многие даже тяготились предоставленной им властью и среди наиболее образованной части дворянства постепенно созревала мысль о необходимости полного освобождения крестьян. Тургенев в «Записках охотника» выступает убежденным проводником этой идеи, в живых образах выставляя произвол и несправие, характеризующие крепостные отношения.

В. Саводник